

— Иди погуляй где нибудь, — сказала Мария, одетая в то же, во что одевалась на конную прогулку, своей личной горничной, которая до этого заправляла ее постель. На вид ей, кстати, было примерно тридцать лет.

— Да, госпожа, — и вышла за дверь.

— Всё! Я оделась, а значит можно идти!

— Эмм... Ты же сказала, что скажешь мне, где находится Томас! — недоумевала Майя.

— Можешь до вечера его даже не искать. Он пошел к Анне.

Эта новость почти выбила землю из-под ног Майе, но она сдержалась.

— ... К Анне? ... Т-так рано?

— Я тоже удивилась, когда моя горничная рассказала об этом. Обычно то он уходит только после еды, а сейчас, как только проснулся.

— Что же делать... — прошептала Майя очень тихо про себя.

— Давай снова сходим на то же место. Полюбуйтесь природой и поговорим.

— Мария, разве тебе можно покидать поместье? — спросила Майя.

Сейчас Майя и Мария находились в конюшне. Здесь было темно, сыро и немного пахло навозом, но Майя к этому довольно таки быстро привыкла, а Мария будто вообще не обращала на это внимание, просто надевая поводья на лошадь.

— А почему бы и нет? — ответила вопросом на вопрос Мария. Для многих это могло показаться грубо, но она вряд ли ответила так со зла и просто сказала то, что первым пришло в голову.

— Ну, разве вы не больны?

— Это кто тебе такой бред наплел? Со мной всё в порядке, — в недоумении спросила Мария, — А! Вообще-то нет. Когда только встала то глаза слипались так, будто их смолой намазали. А так, всё.

Майя взглянула на Марию с легким прищуром.

— Чего ты на меня так смотришь?

— Мне кажется, что подобные слухи вряд ли возникнут всего лишь из-за этого.

— Дай-ка угадаю. Про мою болезнь кое какая бабка наплела?

— ... Да-а-а? — неуверенно ответила Майя. Ведь это была правда. Во время одного из обедов эта бабушка всё время говорила о том, что госпоже становится плохо, и о том, как она боится, что госпожа может скоро умереть. В тот момент все слуги смотрели на нее с прищуром и, как Майе показалось, грустью в глазах.

— Во-о-от. Эта бабка вечно на всё поместье трубит: “Госпожа умирает! Госпожа упала в обморок!”

— Серьезно? Всё время так?

— Да, — кивая.

— О чем она вообще думает?

“Она что, совсем с головой не дружит?”, — появилась мысль в голове Майя.

— Просто мама так умерла.

Майя в удивлении резко замолчала.

— Эта бабка застала ее смерть. Ничего этого не предвещало. Никаких признаков болезни. Она выглядела абсолютно здоровой. Просто в один момент ей стало очень плохо, и вскоре она умерла.

Мария уже надела седло на коня, но вместо того чтобы запрыгнуть на него просто смотрела вперед, в пустоту, продолжая рассказ.

— А эта бабка... Камеристка. Она помогала маме заботиться о детях. То бишь обо мне, Уильяме и Томасе, которому в момент ее смерти было пять лет. Не знаю почему, но бабка почти ничего не помнит. Для нее время будто... остановилось. К примеру, у нее в прошлом году умер единственный внук, пятнадцатилетний мальчик, а она об этом забыла и всё время рассказывает всем, какой он хороший, сильный и добрый. А когда ей об этом напомним, то глаза становятся такими грустными, а через минуту она начинает плакать... Но пройдет еще десять минут, и уже новая, тысячи раз слышанная всеми, история о любимом внучке. И так всё время...

— ... Ясно, — сказала Майя после нескольких секунд тишины, думая, что история закончена, но Мария продолжила.

— А когда она видит меня то путает с мамой и начинает говорить то же, что когда-то говорила ей: “Госпожа, Мария такая проказница!”, “Госпожа, к Уильяму девки так и липнут!”, “Госпожа, Томас такой смысленный!”, “Госпожа, давайте я за вас это сделаю, а вы отдохните.”, “Госпожа, вам не здоровиться?”, “Госпожа, вам нельзя вставать!”, “Госпожа, не нужно усердствовать! Я сама попробую уложить Томаса спать, а вы лежите! Поправляйтесь-поправляйтесь.”, “Госпожа, сейчас придет врач, он то мигом вас на ноги поставит! Его репутация даже лучше, чем у прошлого!”, “Может, помогут травы? Вот, я принесла несколько...”, “Госпожа, простите... простите, я не знаю, что еще могу сделать...”

Майя была в некотором шоке, а Мария повернулась к ней. Ее глаза были бесчувственны, а рот, обычно всё время улыбающийся, был сомкнут. Майя уже видела подобное ее лицо. Точно такое же лицо как когда...

“Она играла на скрипке.”

Когда Майя только вошла в музыкальную комнату.

— А не так давно она подошла ко мне в коридоре с глазами, полными слез, обняла и сказала: “Госпожа... госпожа, я так по вам скучаю.”

Мария замолчала, на короткое время, смотря Майе в глаза.

— Ты, Майя, наверно, задаешься вопросом, зачем мы вообще ее держим в поместье? “Она ведь вообще ничего не делает, а некоторым слугам, вместо того чтобы выполнять нормальную работу, приходится о ней заботиться. Так не лучше ли ее выгнать?”, правильно? Ты об этом думаешь?

На самом деле эти мысли не появлялись в голове Майи, но Мария, тем не менее, начала отвечать на озвученные собой же вопрос, даже не дождавшись ответа:

— Это правда. Может раньше от нее и была польза, но сейчас она лишь бремя. Так зачем же? Я тоже задавалась этим вопросом, а потому прямо спросила отца об этом. И знаешь, что он ответил? Из жалости. Из-за этого он ее держит.

Мария начала подходить к Майе.

— Один ее вид может испортить настроение на весь день. Дряблая старческая кожа, рот почти без зубов, а те, что есть, желтые, кривые и гнилые.

Мария приближалась к Майе, заставляя ее медленно отходить спиной назад.

— Она забывает мыться, а потому всё время воняет. А даже если помоеется, то всё равно очень быстро появляется этот мерзкий стариковский запах.

Майя запнулась, чуть не упав.

— Ее руки всё время дрожат и стараясь казаться счастливой, она всё время улыбается.

Майя упирается в стену, и Мария хватает ее за плечи.

— Но на самом деле в ней нет никакой радости, только страх, что она может кому-нибудь не понравиться... И каждый раз она напоминает мне о покойной маме, заставляя меня грустить, вспоминая ее.

Лица девушек почти соприкасались. Выражение первой было безразлично, а второй испуганно.

— Так не лучше ли ей уже умереть?

— Ч-что?! — перепуганным голосом отозвалась прижатая к стене девочка.

— В чем смысл продолжать ей жить, если она только и делает, что омрачает чужие жизни своими страданиями? Зачем она ест и спит? Зачем ходит и дышит? Зачем молится и поклоняется? На что она надеется, молясь?

Повисло молчание.

— ... Забудь, — бросила Мария и, отвернувшись, пошла обратно к коню.

Майя только удивленно смотрела ей в спину.

— Не стоит заполнять свою голову этими мыслями. Это всё равно тебя не касается.

А потом Мария запрыгивает на коня и поворачивает голову к Майе. Но на лице уже не было былой серьезности. Было только обычное счастливое выражение лица, как и до разговора.

— А ведь благодаря бабке иногда появляются и довольно таки забавные ситуации, — заговорила она очень веселым голосом, — К примеру, не так давно Анна гостила у нас. Тогда я действительно немного приболела, но бабка наплела ей о том, что госпожа чуть ли не при смерти! Как только Анна об этом узнала, так сразу же потащила Томаса в город, наверно думая, что сейчас лучший момент, чтобы приударить за ним!

Но Майя всё еще молча стояла, опираясь на стену и сверля удивленным взглядом Марию.

— Эхх... Ну давай, запрыгивай! Мы же хотели поговорить о твоих чувствах к Томасу!

Майя из-за случившегося до этого не сразу осознала смысл сказанного, но когда всё же поняла, то густо покраснела.

— Так ты поняла...

— Конечно! Этого только слепой бы не заметил.

— Ммм... Ясно.

Очевидно, Мария специально сказала именно это, чтобы Майя сильно не задумывалась о только что случившемся.

<http://tl.rulate.ru/book/82980/2881089>